

⁶ Rosenkranz K. Geschichte der Kantischen Philosophie. Berlin, 1987. S. 271—272.

⁷ См., например: Schönrich G. Kategorien und transzendente Argumentation. Kant und die Idee einer transzendentalen Semiotik. Frankfurt am Main, 1981; Gipper H. Das Sprachapriori. Stuttgart-Bad-Canstatt, 1987, und andere.

⁸ Kant I. Kritik der reinen Vernunft. Leipzig, 1979. S. 178.

⁹ Kant I. Die falsche Spitzfindigkeit der vier syllogistischen Figuren//Immanuel Kants kleine logisch-metaphysische Schriften. Leipzig, 1838. S. 73.

¹⁰ Kant I. Anthropologie. Leipzig. 1838. S. 39.

¹¹ Kant I. Kritik der reinen Vernunft. S. 335.

¹² Ibid. S. 95 u. a.

¹³ Ibid. S. 361.

¹⁴ Kant I. Kritik der Urtheilskraft. Leipzig, 1979. S. 231.

¹⁵ Kant I. Kritik der reinen Vernunft. S. 180.

¹⁶ Erdmann Benno. Reflexionen Kants zur Anthropologie. Aus Kants handschriftlichen Aufzeichnungen. Leipzig, 1882. S. 103.

¹⁷ Kant I. Kritik der reinen Vernunft. S. 177.

¹⁸ Schönrich G. Op. cit. S. 85.

¹⁹ Kant I. Kritik der reinen Vernunft. S. 355.

²⁰ Ibid. S. 393.

²¹ Rosenkranz K. Op. cit. S. 136.

²² Нарский И. С. Диалектика в проблематике трансцендентальной аналитики Канта//Кантовский сборник. Калининград, 1984. Вып. 9. С. 8.

²³ Кант И. Трактаты и письма. М.: Наука, 1980. С. 382—383.

²⁴ Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989. С. 237.

²⁵ Kant I. Kritik der reinen Vernunft. S. 255.

²⁶ Ibid. S. 156.

²⁷ Ibid. S. 26 (Anmerkung).

²⁸ Стросон П. Ф. Намерение и конвенция в речевых актах//НЗЛ. Вып. XVII. С. 130.

²⁹ Остин Д. Л. Слово как действие//НЗЛ. Вып. XVII. С. 111.

³⁰ Там же. С. 56.

³¹ Kant I. Über eine Entdeckung, nach der alle neue Kritik der reinen Vernunft durch eine ältere entbehrlich gemacht werden soll//Immanuel Kants kleine logisch-metaphysische Schriften. Leipzig, 1838. S. 409.

³² Kant I. Über Philosophie überhaupt. Leipzig, 1979. S. 591.

³³ Erdmann Benno. Op. cit. S. 103.

Философия суждения на основе реконструкции некоторых онтологических и гносеологических представлений Канта

А. Н. ТРОЕПОЛЬСКИЙ

(Калининградский государственный университет)

...несколько произвольным является наш отказ называть суждением смысл такого предложения (в обычном языке), которое имеет смысл, но не имеет истинностного значения¹.

А. Черч.

Под философией суждения мы понимаем систематизированное обсуждение вопросов, связанных с различием суждений и высказываний, их познавательных возможностей, аналитических и синтетических характеристик.

Если исходить из истории вопроса, то здесь мы имеем мощ-

ную позицию, восходящую к Больцано и Фреге, и закрепляющую антипсихологическое понимание суждения, что позволяет в определенных границах понимать «суждения» и «высказывания» как синонимы. Так, например, нет никакого сомнения в том, что, несмотря на то, что А. Черч предпочитает говорить об «исчислении суждений»², а С. Клини³ говорит об «исчислении высказываний», в конечном счете они говорят об одних и тех же сущностях. И тем не менее, на наш взгляд, здесь имеется проблема. Ведь дело может обстоять так, что понятия «суждение» и «высказывание» это понятия, находящиеся в отношении пересечения друг к другу. Поэтому, когда в современной формальной логике их употребляют как синонимы, то, видимо, подразумевают общую часть объемов этих понятий, хотя в целом объемы этих понятий не совпадают.

Понятия «суждение» и «высказывание», как известно, не только логические, но и гносеологические. Следовательно, адекватное уточнение этих понятий возможно лишь в контексте логико-гносеологических исследований. В этой связи большой интерес представляют «Критики...» Канта, в которых дается обстоятельная логико-гносеологическая характеристика суждений на основе понятий аналитичности, истины и существования.

При этом в кантовской характеристике суждений обращает на себя внимание истораживает следующее обстоятельство.

В «Критике способности суждения» Кант не только не обсуждает вопрос об истинностном значении эстетического суждения, но и прямо говорит о том, что эстетические суждения не имеют познавательного значения, т. е. не могут быть «истинными» или «ложными» (5, 203, 232, 241, 294, 300, 360). Следовательно, Кант признает существование суждений, не имеющих истинностной оценки.

Принимая это во внимание, рассмотрим различные по количеству и аналитические в кантовском смысле повествовательные предложения:

- а) с противоречивыми по содержанию субъектами;
- б) с непротиворечивыми по содержанию, но пустыми по объему субъектами;
- с) с непротиворечивыми по содержанию и не пустыми по объему субъектами.

В частности, такими предложениями являются следующие:

- а) 1.1. Все круглые квадраты — круглы.
- 1.2. Некоторые круглые квадраты — круглы.
- 1.3. Этот круглый квадрат — кругл.
- б) 2.1. Все крылатые кони — крылаты.
- 2.2. Некоторые крылатые кони — крылаты.
- 2.3. Этот крылатый конь — крылат.
- с) 3.1. Все мудрые люди — мудры.
- 3.2. Некоторые мудрые люди — мудры.

3.3. Этот мудрый человек — мудр.

Поставим вопрос: все ли сформулированные предложения обладают истинностной оценкой?

Следует отметить, что Кант придерживался классического, аристотелевского понимания истины как соответствия знания объекту (2, 41, 94; 3, 159, 260, 300). И если учесть, что он в соответствии с логической традицией рассматривает истину как свойство суждений (3, 336), то это означает, что он под истинной понимает соответствие того, что утверждается, либо отрицается, в повествовательном предложении, положению дел в действительности.

Также текстуально можно подтвердить, что Кант связывает (не) существование объектов в мире с критерием (не) противоречивости соответствующих им понятий. «Понятие, — пишет Кант, — всегда возможно, если оно не противоречит самому себе... В этом состоит важнейший признак возможности, и посредством него предмет понятия отличается от nihil negativum. Но тем не менее такое понятие может быть пустым» (3, 520).

Теперь проанализируем вопрос об истинностных значениях предложений 1—3 в следующей эпистемологической модели. Запишем предложения 1—2 в точном языке логики предикатов, и, опираясь на кантовское понимание истины, аналитичности и существования, соотнесем их с действительностью в этой модели.

1.1. Все круглые квадраты — круглы. $[\forall x(KKв(x) \supset K(x))]$. Как нетрудно видеть, в соответствии с кантовским критерием существования круглые квадраты не существуют. Это означает, что индивидуальная переменная x в $KKв(x) \supset K(x)$ не может пробегать по конкретным круглым квадратам, а пробегает, в предпосылке непустоты предметной области в логике предикатов, по другим сущностям. Но тогда в соответствии с классическим пониманием лжи как несоответствия того, что утверждается (или отрицается) в повествовательном предложении, положению дел в действительности антецедент $KKв(x)$ примет значение «ложь», и, следовательно, импликация $KKв(x) \supset K(x)$ примет значение «истина» для всякого x . Таким образом, предложение $\forall x(KKв(x) \supset K(x))$ является априорно истинным в описанной эпистемологической модели.

Встает вопрос: можно ли назвать это предложение логически истинным? Ведь, с одной стороны, ясно, что его истинностное значение мы установили без обращения к опыту, т. е. без обращения к свидетельству органов чувств, а с другой стороны, столь же ясно, что его истинность установлена не только на основе анализа смысла дескриптивных или логических терминов, входящих в это предложение, а с использованием смысла понятий истинности, ложности, противоречивости как индикатора несуществования. Столь же ясно, что при установлении истинности такого предложения мы не ограничились только процедурой

анализа смысла терминов, входящих в это предложение и используемых в данной эпистемологической модели, но и сконструировали в чистом созерцании сам процесс сравнения этого предложения с действительностью.

Нетрудно видеть, что положительный ответ на поставленный вопрос будет иметь место, если мы сумеем показать, что это предложение истинно не только в описанной эпистемологической модели, но и в стандартных семантических моделях современной логики. Конкретно это означает возможность демонстрации истинности эквивалентной реконструкции данного предложения исключительно на основе анализа логических и дескриптивных терминов, входящих в это предложение. Нетрудно видеть, что в $\forall x(K\bar{K}v(x) \supset K(x))$ предикат $K\bar{K}v(x)$ выражает противоречие на содержательном уровне. Если теперь мы выразим это противоречие на синтаксическом уровне, т. е. в виде $A \wedge \bar{A}$, то получим реконструкцию данного предложения, эквивалентную предложению $\forall x(K\bar{K}v(x) \supset K(x))$.

Как это сделать? — Принять следующий поясняющий постулат значения: $K\bar{K}v(x) \Leftrightarrow K(x) \wedge \bar{K}(x) \wedge \text{Пу}(x) \wedge \text{Р}_c(x)$, где $\bar{K}(x) \wedge \text{Пу}(x) \wedge \text{Р}_c(x) \Leftrightarrow \text{Кв}(x)$ эквивалентно $\text{Кв}(x) \Leftrightarrow \bar{K}(x) \wedge \text{Пу}(x) \wedge \text{Р}_c(x)$, $\text{Кв}(x)$ означает — быть квадратным, $\bar{K}(x)$ — быть не круглым, $\text{Пу}(x)$ — иметь прямые углы, $\text{Р}_c(x)$ — иметь равные стороны.

Действительно, заменив 1.1 $K\bar{K}v(x)$ на $K(x) \wedge \bar{K}(x) \wedge \text{Пу}(x) \wedge \text{Р}_c(x)$, мы получим предложение $\forall x((K(x) \wedge \bar{K}(x) \wedge \text{Пу}(x) \wedge \text{Р}_c(x) \supset K(x))$, которое истинно уже исключительно на основе смысла логических терминов, входящих в данное предложение, так как содержит в себе $K(x) \wedge \bar{K}(x)$.

Следовательно, $\forall x((K(x) \wedge \bar{K}(x) \wedge \text{Пу}(x) \wedge \text{Р}_c(x) \supset K(x))$, эквивалентное общезначимой формульной схеме $(A \wedge \bar{A} \wedge B \wedge C) \supset A$ пропозициональной логики, является логически-истинным предложением. Но поскольку оно эквивалентно предложению $\forall x(K\bar{K}v(x) \supset K(x))$, то это предложение также является логически-истинным.

В итоге мы показали, что данное предложение является истинным α $\text{r}101$ в эпистемологической модели и логически-истинным в семантических моделях современной логики.

Важно подчеркнуть, что сам выбор постулата $K\bar{K}v(x) \Leftrightarrow K(x) \wedge \bar{K}(x) \wedge \text{Пу}(x) \wedge \text{Р}_c(x)$ однозначно детерминирован:

- 1) необходимостью выражения содержательного противоречия на синтаксическом уровне, что с необходимостью предполагает определение квадратного как некруглого, обладающего определенными признаками, т. е. как $\text{Кв}(x) \Leftrightarrow \bar{K}(x) \wedge \text{Пу}(x) \wedge \text{Р}_c(x)$;
- 2) необходимостью однозначного выбора понятия «некруглое» в качестве ближайшего родового понятия при определении понятия «квадратное».

Данный пример перевода содержательного противоречия показывает схему перевода любого содержательного противоречия

вида $AB \Leftrightarrow A(x) \wedge B(x)$ в синтаксическое формально-логическое противоречие вида $A(x) \wedge \bar{A}(x) \wedge C_1(x) \wedge \dots \wedge C_n(x)$. Схема имеет следующий вид:

- 1) $A(x) \wedge B(x) \Leftrightarrow AB(x)$ (содержательное противоречие);
- 2) $B(x) \Leftrightarrow \bar{A}(x) \wedge C_1(x) \wedge \dots \wedge C_n(x)$ (Д 1);
- 3) $A(x) \wedge \bar{A}(x) \wedge C_1(x) \wedge \dots \wedge C_n(x)$ (правило замены по Д 1:1);

1.2. Некоторые круглые квадраты — круглы $[\exists x(KKв(x) \wedge K(x))]$. Нетрудно видеть, что в принятой нами эпистемологической модели левый член конъюнкции, т. е. $KKв(x)$, примет значение «ложь» для всякого x . Следовательно, вся конъюнкция $KKв(x) \wedge K(x)$ примет значение «ложь» для любого x . Следовательно, предложение $\exists x(KKв(x) \wedge K(x))$ — ложно. И снова оно, как и в случае с предложением 1.1., ложно без обращения к опыту и с использованием конструирования его несоответствия с действительностью в чистом созерцании в заданной эпистемологической модели. Итак, есть все основания квалифицировать это предложение как априорно-ложное предложение и, тем самым, выйти за границы кантовской классификации суждений.

Этот выход за границы кантовской типологии осуществляетс я нами по двум моментам.

Во-первых, Кант не выделял специально априорно-ложных суждений, как это имеет место у нас.

Во-вторых, Кант не выделял специально логически-ложных суждений. А ведь квалификация данного априорно-ложного предложения как логически-ложного предложения — очевидна. Для этого достаточно принять тот же самый, что и в случае с 1.1., А-постулат: $KKв(x) \Leftrightarrow K(x) \wedge \bar{K}(x) \wedge \text{Пу}(x) \wedge \text{Рс}(x)$.

Здесь мы расходимся с Кантом, утверждающим, что «два противоречащих друг другу положения могут быть оба ложны только тогда, когда понятие, лежащее в основе обоих, само себе противоречит; например, оба положения: четырехугольная окружность круга и четырехугольная окружность не круга — ложны (4 (1), 163). Однако мы считаем наш вывод более обоснованным, так как он опирается на более глубокие, чем у Канта, основания.

Далее, в результате замены имеем $\exists x(K(x) \wedge \bar{K}(x) \wedge \text{Пу}(x) \wedge \text{Рс}(x) \wedge K(x))$ эквивалентное $\exists x(K(x) \wedge \bar{K}(x) \wedge \text{Пу}(x) \wedge \text{Рс}(x))$, эквивалентное $A \wedge \bar{A} \wedge B \wedge C$, которое ложно уже исключительно на основе логических терминов, входящих в данное предложение в стандартной семантической модели первопорядковой логики предикатов.

1.3. Этот круглый квадрат — кругл $[K(a)]$.

В данном предложении выражение «этот круглый квадрат» удовлетворяет условию единственности, но не удовлетворяет условию непустоты, так как содержит противоречивое описание «круглый квадрат». Следовательно, в данном случае мы имеем сингулярное предложение с пустым субъектом, в котором в соот-

ветствии с классическим пониманием истины не выполнено условие его истинностной оценки. Действительно, это предложение нельзя оценить как истинное либо ложное, так как то, что в нем утверждается, нельзя сравнить с положением дел в предметной области нашей эпистемологической модели, несмотря на предпосылку непустоты предметной области в логике предикатов. Ведь выражение «этот круглый квадрат» предполагает подстановку вместо себя индивида из пустого подмножества круглых квадратов, включенного в предметную область.

Теперь спроецируем данный подход на предложения 2.1—2.3.

2.1. Все крылатые кони — крылаты $[\forall x(KpK(x) \supset Kp(x))]$. В связи с непустотой предметной области в логике предикатов, с одной стороны, и несуществованием в ней крылатых коней, с другой стороны, антецедент $KpK(x)$ примет значение «ложь». Следовательно, предложение 2.1. является истинным. Столь же очевидно, что данное предложение будет истинным в случае существования крылатых лошадей, так как при этом и антецедент $KpK(x)$ и консеквент $Kp(x)$ примут одновременно значение «истина». Следовательно, предложение 2.1. является априорно истинным. Одновременно можно показать, что оно является логически истинным. Действительно, на основе постулата $KpK(x) \Leftrightarrow \Leftrightarrow Kp(x) \wedge K(x)$ имеем предложение $\forall x(Kp(x) \wedge K(x) \supset Kp(x))$, которое эквивалентно общезначимой формульной схеме $(A \wedge B) \supset A$ пропозициональной логики.

2.2. Некоторые крылатые кони — крылат $[\exists x(KpK(x) \wedge \wedge Kp(x))]$. Понятно, что $KpK(x)$ примет значение «ложь» в предпосылке несуществования крылатых лошадей и значение «истина» в предпосылке их существования. Следовательно, оно является апостериорным в нашей эпистемологической модели. Легко показать, что оно не является логически истинным в смысле современной логики. Действительно, приняв поясняющий постулат значения $KpK(x) \Leftrightarrow \Leftrightarrow Kp(x) \wedge K(x)$, выражаем далее 2.2. в виде формулы $\exists x(Kp(x) \wedge K(x) \wedge \wedge Kp(x))$, эквивалентной формуле $\exists x(Kp(x) \wedge K(x))$, которая не является общезначимой формулой.

2.3. Этот крылатый конь — крылат $[K(a)]$.

В данном случае будет адекватным следующее рассуждение. Выражение «этот крылатый конь» удовлетворяет условию единичности и, если оно не удовлетворяет условию непустоты, то оно не может иметь и истинностную оценку, т. е. познавательного значения, несмотря на то, что в логике предикатов предложение 2.3. рассматривается в предпосылке непустоты предметной области. Ведь выражение «этот крылатый конь» требует подстановки вместо себя не любого индивида из предметной области, а определенного индивида из пустого множества «крылатых коней», являющегося подмножеством предметной области.

3.1. Все мудрые люди — мудры $[\forall x((MЛ(x) \supset M(x))]$. Нетрудно видеть, что это предложение в предпосылке непустоты пред

метной области в логике предикатов будет истинным как в предпосылке существования, так и несуществования в ней мудрых людей. Следовательно, оно является априорно истинным в эпистемологической модели. Равным образом оно является логически истинным с точки зрения современной логики, так как на основе поясняющего постулата $M \Leftrightarrow M(x) \wedge L(x)$, где $L(x) = \text{человек}(x)$ оно представлено в виде общезначимой формулы $\forall x (M(x) \wedge L(x) \supset M(x))$, эквивалентной общезначимой формульной схеме $(A \wedge B) \supset A$ пропозициональной логики.

3.2. Некоторые мудрые люди — мудры $[\exists x (M \Leftrightarrow M(x) \wedge L(x))]$. В непустой предметной области в логике предикатов это предложение следует считать истинным в предпосылке существования мудрых людей и ложным в предпосылке несуществования в ней мудрых людей. Но знание о существовании либо несуществовании в мире мудрых людей носит опытный характер. Следовательно, данное предложение является апостериорным. На основе поясняющего постулата $M \Leftrightarrow M(x) \wedge L(x)$ оно представимо в логике предикатов в виде формулы $\exists x (M(x) \wedge L(x))$, которая не является общезначимой. Следовательно, предложение 3.2. не является логически истинным.

3.3. Этот мудрый человек — мудр $[M(a)]$. В предпосылке непустоты предметной области в логике предикатов это предложение будет истинным в случае существования в предметной области мудрых людей и ложным в противном случае. Следовательно, в эпистемологической модели оно является апостериорным. В языке логики предикатов оно представимо в виде формулы $M(a)$, которая не является общезначимой. Следовательно, оно не является логически истинным.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. Аналитически истинными в кантовском смысле следует считать общие утвердительные категорические предложения субъектно-предикатной структуры, в которых предикат содержится в субъекте. В языке современной логики они представлены в виде общезначимых формул имплицативного вида, в которых кантовский критерий аналитичности — предикат содержится в субъекте — трансформируется в критерий: консеквент полностью включается в антецедент формул этого вида.

Но в таком случае как тогда квалифицировать предложение: «Все круглые квадраты не представлены в созерцании?» $[\forall x (KpK(x) \supset \text{не-}[P(x)])]$. Ведь в эпистемологической модели это предложение будет априорно истинным, так как в предпосылке непустоты предметной области в логике предикатов, с одной стороны, и доопытном знании несуществования круглых квадратов, с другой стороны, антецедент $KpK(x)$ примет значение «ложь», а вся формула примет значение истина». В то же время на основе поясняющего постулата $KpK(x) \Leftrightarrow Kp(x) \wedge \bar{K}p(x) \wedge P_c(x) \wedge P_u(x)$ в конечном счете это предложение представимо в виде общезначимой формулы $\forall x (Kp(x) \wedge \bar{K}p(x) \wedge P_c(x) \wedge$

$\wedge \Pi u(x) \supset \text{не}[\Pi(x)]$], эквивалентной общезначимой формульной схеме $(A \wedge \bar{A} \wedge B \wedge C) \supset \text{не} D$ пропозициональной логики, в которой консеквент не содержится в антецеденте. Следовательно, в соответствии с критерием синтетичности Канта — предикат не содержится в субъекте и его модифицированном аналоге в современной логике — консеквент не содержится в антецеденте, его следует считать синтетическим, а в силу его априорной истинности и моментов конструирования в эпистемологической модели и его логической истинностью и моментов конструирования в семантических моделях современной логики его, видимо, следует считать априорно синтетическим.

На наш взгляд, правомерность квалификации содержательных предложений, представленных в современной логике в конечном счете в виде общезначимых формул пропозициональной логики типа $(A \wedge \bar{A}) \supset B$, в качестве синтетических априорных предложений существенно подкрепляется при их рассмотрении в эпистемологической модели обобщенных описаний состояний мира Е. К. Войшвилло⁴, которую можно рассматривать в качестве экспликации понятия информативности L-истин относительно мира, расширения знания о мире в отличие от эпистемологической модели описаний состояний мира Р. Карнапа⁵, которую принято рассматривать в качестве экспликации понятия неинформативности L-истин относительно мира. Прежде чем рассматривать, например, вопрос об истинности высказывания, представленного в виде $(A \wedge \bar{A}) \supset B$ в эпистемологической модели Р. Карнапа и Е. К. Войшвилло, в нескольких словах охарактеризуем то главное, что, на наш взгляд, является общим и различным в этих моделях. Общим в них является то, что они выступают в качестве конструктивных экспликаций смысла истины как того, что утверждается либо отрицается в предложении положению дел в действительности, которые не имеют четкой интерпретации в обычной процедуре вычисления истинностного значения сложного высказывания на основе семантических правил языка пропозициональной или кванторной логики. В этих моделях аналогом мира выступают описания состояний — совокупности атомарных высказываний и их отрицаний, аналогом всех возможных миров — совокупности всех возможных описаний состояний, аналогом (не) соответствия того, что утверждается либо отрицается в предложении положению дел в мире — его (не) выполнимость в описании состояния, где под (не) выполнимостью предложения понимают его (не) вхождение в определенное описание состояния, а под L-истинностью — выполнимость высказываний во всех возможных описаниях состояния. При этом высказывание вида $A \wedge B$ выполняется в определенном описании состояния S_1 , если в нем одновременно выполняются высказывание А и высказывание В, и не выполняется в противных случаях; $A \supset B$ не выполняется в S_1 , если и только если в нем не выполняется А и не выполняется В, и выполняются в

противных случаях; $A \supset B$ не выполняются в S_1 , если и только если в нем выполняется A , но не выполняется B и выполняется в противных случаях; \bar{A} выполняется в S_1 , если и только если в нем не выполняется A и не выполняется в противном случае. При этом неинформативность высказывания относительно действительности эксплицируется в этих моделях через понятие его выполнимости во всех возможных описаниях состояний, и информативность — через невыполнимость в некоторых из них.

Главное же отличие этих моделей в том, что в модели Р. Карнапа не допускаются в качестве возможных противоречивые описания состояний, т. е. описания состояний, содержащие одновременно атомарное высказывание P_1 и его отрицания \bar{P}_1 , а в модели обобщенных описаний состояний мира Е. К. Войшвилло такие описания состояний допускаются. Теперь возьмем формулу $(p \wedge \bar{p}) \supset q$ и проверим ее выполнимость сначала в модели Р. Карнапа, а потом в модели Е. К. Войшвилло. В модели Р. Карнапа для данной формулы имеются следующие все возможные описания состояний: $p, q; \bar{p}, q; p, \bar{q}; \bar{p}, \bar{q}$. Нетрудно видеть, что $(p \wedge \bar{p}) \supset q$ выполняется в первом описании состояния, так как в нем выполняется p , но не выполняется \bar{p} и, следовательно, не выполняется $p \wedge \bar{p}$. Однако в нем выполняется q . Следовательно, в целом вся импликация выполняется в этом описании состояния. Аналогично рассуждая, нетрудно убедиться, что $(p \wedge \bar{p}) \supset q$ выполняется во всех трех оставшихся описаниях состояний и, следовательно, выполняется во всех возможных для данной формулы описаниях состояний. Следовательно, высказывание, представленное в языке современной логики в виде $(p \wedge \bar{p}) \supset q$, следует считать неинформативным относительно мира, описываемого моделью Р. Карнапа. Теперь проверим следующие возможные описания состояний: $p, \bar{p}; q, \bar{q}; p, q; \bar{p}, q; p, \bar{q}; \bar{p}, \bar{q}$. Нетрудно видеть, что в действительности, описываемой в модели Е. К. Войшвилло, $(p \wedge \bar{p}) \supset q$ не выполняется в описании состояния p, \bar{p} , так как $p \wedge \bar{p}$ в нем выполняется, а q не выполняется. Следовательно, $(p \wedge \bar{p}) \supset q$ не выполняется в этом описании состояния, что позволяет заключить, что $(p \wedge \bar{p}) \supset q$ не выполняется в некоторых описаниях состояния и, следовательно, несет (расширяет) информацию о действительности, описываемой в данной модели. Равным образом обстоит дело с формулами $(p \wedge \bar{p}) \supset \bar{q}$.

Также нетрудно убедиться, что формулы $(p \wedge \bar{p}) \supset p, (p \wedge \bar{p}) \supset \bar{p}, (p \wedge q) \supset p, (p \wedge q) \supset q$, выполняются во всех возможных описаниях состояний в модели Е. К. Войшвилло.

Но выше мы показали, что формулы $(p \wedge \bar{p}) \supset q$ и $(p \wedge \bar{p}) \supset \bar{q}$ суть логические формы содержательных синтетических априорных предложений традиционной логики на основе кантовских критериев синтетического а priori, и, поскольку они расширяют знание о действительности а priori с опорой на элементы конструирования и в модели Е. К. Войшвилло, то их и в последней

необходимо квалифицировать как синтетические априорные предложения. Адекватность данной экспликации кантовским представлениям о синтетическом а priori подтверждается и тем, что все формулы, которые являются логическими формами содержательных аналитически истинных предложений традиционной логики на основе кантовского критерия аналитичности, являются аналитическими и в модели Е. К. Войшвилло. Речь идет о формулах: $(p \wedge q) \supset p$, $(p \wedge q) \supset q$, $(p \wedge \bar{p}) \supset p$, $(p \wedge \bar{p}) \supset \bar{p}$ и соответствующих им содержательных аналитических предложениях традиционной логики. Проведенный анализ позволяет сделать следующие уточнения об аналитическом и синтетическом а priori в современной логике. Аналитически истинные предложения — это предложения, истинные во всех возможных мирах эпистемологической модели Е. К. Войшвилло, а синтетические априорные предложения — такие, которые истинны во всех возможных мирах эпистемологической модели Р. Карнапа и ложны в некоторых мирах модели Е. К. Войшвилло.

Конечно, могут возникнуть и некоторые сомнения в адекватности данных экспликаций. В частности, адекватно ли воспроизводит эпистемологическая модель Е. К. Войшвилло онтологические предпосылки философии Канта. Выше мы текстуально подтвердили, что в своей философии Кант принимает онтологический принцип несуществования в мире объектов, мыслимых противоречиво, а ведь в эпистемологической модели Е. К. Войшвилло действительность моделируется не только через непротиворечивые, но и через противоречивые описания состояний.

В связи с этим мы выдвигаем следующее предположение, нуждающееся в дополнительном текстуальном подтверждении. Как известно, Кант признает существование чувственного и умопостижаемого миров, и, видимо, вышеотмеченный онтологический принцип распространяется у него лишь на непосредственно чувственный мир и мир возможного опыта и не распространяется на сущности, лежащие за этими границами.

Кстати, допущение лишь непротиворечивых описаний состояния в эпистемологической модели Р. Карнапа есть, видимо, следствие его философской неопозитивистской установки ограничить мир лишь универсумом непосредственных непротиворечиво-мыслимых переживаний, т. е. подразумевает упрощенную модель мира. Эта модель мира как раз и приводит к неадекватной границе между информативными и неинформативными предложениями, проводимой на основе принципа выполнимости (истинности) предложений во всех возможных описаниях состояний. Разумеется, следует согласиться, что из самого факта априорной истинности предложения «Сейчас на улице солнечно или сейчас на улице не солнечно» $[p \vee \bar{p}]$, выполняющегося во всех описаниях состояния в эпистемологической модели Карнапа, мы никогда не узнаем, какая на улице погода, однако из априорной истинности этого предложения мы имеем основание сделать вывод,

что наша чувственная действительность устроена так, что в ней в какой-то определенной точке, в достаточно точно фиксированном смысле не может быть, например, одновременно солнечно и не солнечно, дождливо и не дождливо, и т. д., в чем мы можем потом удостовериться и на основе опыта. Ясно, что эта информация о чувственной действительности, полученная нами из факта априорной истинности данного предложения, не расширяет нашего этого же самого знания об этой действительности, полученного ранее апостериорным путем. Но из этого следует, что L-истины скорее следует считать истинами, не расширяющими наше знание о мире, чем истинами, не несущими никакой информации о нем, как это утверждалось философами Венского кружка и их последователями⁶.

Наконец, последнее сомнение. Как мы уже отметили выше, классическими примерами синтетических априорных предложений в текстах Канта фигурируют предложения « $7+5=12$ » и «Прямая есть кратчайшее расстояние между двумя точками». Рассмотрим предложение « $7+5=12$ ». Во-первых, оно является единичным предложением с двуместным отношением « $=$ » и двумя собственными именами (термами): « $7+5$ » и « 12 ». Как известно, собственные имена относятся в логике к категории неопределяемых выражений. Следовательно, путь преобразования логической формы данного предложения на основе постулатов значения здесь не применим. Равным образом этот путь не применим и во втором предложении, так как выражение «прямая» в геометрии относится также к числу первичных неопределяемых выражений. Поэтому единственный путь a priori убедиться в истинности этих предложений — сконструировать объекты, мыслимые в этих предложениях, и отношения между ними в чистом созерцании, как это и рекомендует Кант. Правда, сам Кант не сформулировал в явном виде методику осуществления этого процесса. В связи с этим несколько ранее, в статьях⁷, нами были предприняты первые, быть может, еще не до конца совершенные, попытки восполнить этот пробел, которые мы намерены в дальнейшем совершенствовать по мере углубления исследования данной проблемы. Однако в одном мы уже не сомневаемся: кантовский критерий синтетичности и его трансформация в современной логике: консеквент импликации содержится в его antecedенте — позволяет выделить два вида синтетических априорных предложений: 1) априорные синтетические предложения, сводимые к L-истинам на основе постулатов значения и не являющиеся тавтологиями в модели Е. К. Войшвилло; 2) априорные синтетические предложения, принципиально не сводимые к L-истинам, но истинность которых устанавливается a priori в процессе конструирования мыслимых в них объектов и отношений между ними.

В заключение проведем различие между суждением и высказыванием. С одной стороны, мы видим, что все рассмотренные

выше предложения содержат в себе утверждение либо отрицание, а, с другой стороны, мы убедились, что некоторые из них (1.3, 2.3) не обладают истинностной оценкой, т. е. познавательным значением. В соответствии со сложившейся традицией назовем повествовательные предложения, содержащие в себе утверждения или отрицания и обладающие истинностной оценкой, высказываниями. Из определения высказывания следует, что все высказывания обладают познавательным значением.

Соответственно, будем называть суждениями все повествовательные предложения, содержащие в себе утверждения или отрицания. Становится ясным, что все высказывания являются суждениями, но не все суждения являются высказываниями. Суждения, не являющиеся высказываниями, не имеют познавательного значения и должны устраняться из рассуждений, претендующих на познание мира.

¹ Черч А. Введение в математическую логику. М., 1960. Т. 1. С. 32.

² Там же. С. 65.

³ Клини С. Математическая логика. М., 1973. С. 12.

⁴ Вайсвилло Е. К. Семантическая информация//Кибернетика и современное научное познание. М., 1978.

⁵ Карнап Р. Значение и необходимость. М., 1959.

⁶ См. Kraft W. Der Wiener Kreis, Wien-New-York, 1968.

⁷ Троепольский А. Н. И. Кант и проблема обоснования нетривиального теоретического знания//ФН. 1981. № 3.

КАНТ И РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Редколлегия «Кантовского сборника» начиная с первого его выпуска помещала статьи, посвященные проблеме «Иммануил Кант и русская философия». Убеждение, что обстоятельное изучение этой проблемы не только дает нам всестороннее понимание исторических обстоятельств и хода развития русской философской мысли, но и помогает уяснению многих деталей в системе самого Канта, без чего невозможна адекватная ее интерпретация, в последнее время только укрепилось. От публикации отдельных первоисточников и эпизодических статей по данной проблеме (см. «Кантовский сборник», вып. 3—11), редколлегия переходит к введению постоянного раздела «Кант и русская философия», начиная с данного выпуска, и обращается ко всем исследователям указанной темы присылать материалы с полученными результатами для их публикации на страницах сборника. Статьи не должны превышать по размерам одного печатного листа, а публикуемые источники — двух печатных листов.

От редколлегии.